

УДК 81:1; ГРНТИ 16.01.07

<https://doi.org/10.47526/2024-3/2664-0686.75>А.С. БОХАНОВА ¹, А.О. АЗИЗОВА ¹, Р.Б. АБЛАЕВА ²¹PhD, *Международный университет туризма и гостеприимства*
(Казахстан, г. Туркестан), e-mails: ayguliok@mail.ru; ainura_28_87@mail.ru²старший преподаватель *Международного университета туризма и гостеприимства*
(Казахстан, г. Туркестан), e-mail: ablaeva.raihan@iuth.edu.kz

СЕМАНТИЗАЦИЯ КОГНИТИВОВ КОНЦЕПТА «ЛИШЕНИЕ» В РОМАНЕ М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена лишительной семантике, презентуемой через когнитивные модели (структуры), которые в свою очередь формируют концепт «лишение». Фактическим материалом послужили семантические структуры с семой 'лишение', воплощаемые путем вербализации отдельных языковых единиц и фрагментов текста романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Глубинные структуры этих фрагментов охватывают в тексте когнитивные модели разных типов. Анализ материала производился путем использования методов когнитивного, семантического и функционального анализа, а также филологического метода исследования. Результаты проведенного анализа позволяют утверждать, что когнитивные модели, воплощая лишительную семантику, способствуют передаче основного замысла авторов. Полученные результаты являются эффективными при анализе текста романа в школе и вузе в учебных целях, а также для формирования моральной перспективы современного общества. Необходимым представляется исследование восприятия читательской аудиторией высказываний с лишительной семантикой: данная семантика в своей основе содержит отрицательную коннотацию, а читатель, воспринимая излагаемое событие, вводит его в определенный социальный контекст. Это может способствовать совершенствованию употребляемых содержательных и формальных средств, а также приемов изложения. Вместе с тем нам представляется неоправданной идентификация семантики лишения и отрицания, а также интерпретация лишительной семантики в контексте оппозиции к семантике каритивной. Кроме того, как показывает обзор лингвистических источников по данной проблематике, в работах ученых не только отсутствует четкое отграничение категории лишительности от семантически смежных с ней категорий, но и не рассматривается ее статус в парадигме лингвистического знания в целом. Необходимость исследования, таким образом, состоит в утверждении одного из взглядов на термин «лишительность» в пределах разноголосицы мнений, иными словами, в приведении термина к единообразию.

Ключевые слова: семантизация, лишительная семантика, когнитивная модель, концепт, лишительность, поссессивность, каритивность.

***Цитируйте нас правильно:**

Боханова А.С., Азизова А.О., Аблаева Р.Б. Семантизация когнитивов концепта «лишение» в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» // *Ясауи университетінің хабаршысы*. – 2024. – №3 (133). – Б. 84–94. <https://doi.org/10.47526/2024-3/2664-0686.75>

***Cite us correctly:**

Bohanova A.S., Azizova A.O., Ablava R.B. Semantizacia kognitivov koncepta «lishenie» v romane M. Bulgakova «Master i Margarita» [The Semantics of Cognitive of the Concept of “Deprivation” in M. Bulgakov’s Novel “The Master and Margarita”] // *Iasauı universitetinin habarshysy*. – 2024. – №3 (133). – B. 84–94. <https://doi.org/10.47526/2024-3/2664-0686.75>

Дата поступления статьи в редакцию 02.04.2024 / Дата принятия 27.09.2024

А.С. Боханова¹, А.О. Әзизова¹, Р.Б. Аблаева²

¹*PhD, Халықаралық туризм және қонақжайлылық университеті*

(Қазақстан, Түркістан қ.), e-mails: ayguliok@mail.ru; ainura_28_87@mail.ru

²*Халықаралық туризм және қонақжайлылық университетінің аға оқытушысы*

(Қазақстан, Түркістан қ.), e-mail: ablaeva.raihan@iuth.edu.kz

М. Булгаковтың «Мастер және Маргарита» романындағы «айыру» тұжырымдамасының когнитивтерін семантизациялау

Аңдатпа. Ұсынылған мақала өз кезегінде «айыру» тұжырымдамасын қалыптастыратын когнитивті модельдер (құрылымдар) арқылы ұсынылатын айыру семантикасына арналған. Нақты материал М. Булгаковтың «Мастер және Маргарита» романы мәтінінің жеке тілдік бірліктері мен фрагменттерін вербализациялау арқылы жүзеге асырылған «айыру» семасы бар семантикалық құрылымдар болды. Бұл фрагменттердің терең құрылымдары мәтінде әртүрлі типтегі когнитивті модельдерді қамтиды. Материалды талдау когнитивті, семантикалық және функционалды талдау әдістерін, сондай-ақ филологиялық зерттеу әдісін қолдану арқылы жүргізілді. Жүргізілген талдаудың нәтижелері айыру семантикасын бейнелейтін когнитивті модельдер авторлардың негізгі ниетін жеткізуге ықпал етеді деп айтуға мүмкіндік береді. Алынған нәтижелер мектеп пен университеттегі роман мәтінін оқу мақсатында талдауда, сондай-ақ қазіргі қоғамның моральдық перспективасын қалыптастыруда тиімді болып табылады. Айыру семантикасы негізінен теріс коннотацияны қамтиды, ал оқырман баяндалған оқиғаны қабылдай отырып, оны белгілі бір әлеуметтік контекстке енгізеді, оқырман аудиториясының айыру семантикасы бар мәлімдемелерді қабылдауын зерттеу қажет. Бұл тұтынылатын мазмұндық және формальды құралдарды, сондай-ақ презентация әдістерін жетілдіруге ықпал етуі мүмкін. Сонымен бірге, айыру мен теріске шығару семантикасын анықтау, сондай-ақ каритивтік семантикаға қарсылық контексіндегі айыру семантикасын түсіндіру бізге негізсіз болып көрінеді. Сонымен қатар, осы мәселе бойынша лингвистикалық дереккөздерге шолу көрсеткендей, ғалымдардың еңбектерінде айыру категориясын онымен семантикалық байланысты категориялардан нақты ажырату ғана емес, сонымен бірге оның лингвистикалық білім парадигмасындағы мәртебесі де қарастырылмайды. Зерттеудің қажеттілігі, осылайша, кереғар пікірлер шегінде «айыру» терминінің бір көзқарасын бекітуден, басқаша айтқанда, терминді біркелкілікке келтіруден тұрады.

Кілт сөздер: семантизация, депривативті семантика, когнитивтік модель, концепт, айыру, иелік, каритивтілік.

A.S. Bokhanova¹, A.O. Azizova¹, R.B. Ablava²

¹*PhD, International University of Tourism and Hospitality*

(Kazakhstan, Turkistan), e-mails: ayguliok@mail.ru; ainura_28_87@mail.ru

²*Senior Lecturer of International University of Tourism and Hospitality*

(Kazakhstan, Turkistan), e-mail: ablaeva.raihan@iuth.edu.kz

The Semantics of Cognitive of the Concept of “Deprivation” in M. Bulgakov’s Novel “The Master and Margarita”

Abstract. The proposed article is devoted to the deprivation semantics, presented through cognitive models (structures), which in turn form the concept of “deprivation”. The actual material was semantic structures with the term 'deprivation', embodied by verbalization of individual linguistic units and fragments of the text of M. Bulgakov’s novel “The Master and Margarita”. The deep structures of these fragments cover cognitive models of various types in the text. The analysis

of the material was carried out by using methods of cognitive, semantic, and functional analysis, as well as the philological method of research. The results of the analysis suggest that cognitive models, embody superfluous semantics, contribute to the transmission of the main idea of the authors. The results obtained are effective in analyzing the text of the novel at school and university for educational purposes, as well as for forming a moral perspective of modern society. Superfluous semantics contains a negative connotation, and the reader, perceiving the event being presented, introduces it into a certain social context, it seems necessary to study the perception of statements with superfluous semantics by the readership. This can contribute to the improvement of the content and formal means used, as well as presentation techniques. At the same time, it seems to us unjustified to identify the semantics of deprivation and denial, as well as to interpret the superfluous semantics in the context of opposition to the semantics of the primitive. In addition, as the review of linguistic sources on this issue shows, the works of scientists not only lack a clear separation of the category of deprivation from semantically related categories but also do not consider its status in the paradigm of linguistic knowledge as a whole. The need for research, therefore, consists in affirming one of the views on the term “deprivation” within the confines of a disagreement of opinions, in other words, in bringing the term to uniformity.

Keywords: semantics, deprivation semantics, cognitive model, concept, verbal means, semantic category, deprivation, possessiveness, creativeness.

Введение

Современная культурная парадигма, определяемая как постмодернистская, характеризуется нивелированием амбивалентности границ человеческого бытия: стираются грани между жизнью и смертью, верхом и низом, мужским и женским, субъектом и объектом, что неизбежно приводит к модели одноуровневой реальности и трансформирует постмодернистское человеческое сознание в феномен одноуровневой культуры [1, с. 467]. Стремясь отказаться от дуальных оппозиций, постмодернистское сознание примитивно и даже искаженно трактует систему ценностей. В контексте этого сознания зло уравнивается с добром, что позволяет оправдывать прагматический подход к жизни, основанный на зле. Идея борьбы со злом, заложенная в основу романа «Мастер и Маргарита», вносит диссонанс в обозначенную культурную парадигму, а поэтому для современной реальности является актуальной. Чуждая писателю болезнь современного ему общества: стремление к материальным благам, к накопительству – выражается как борьба со злом. Ее ведет главный герой произведения Воланд путем лишения всех благ падких на деньги героев. Каждый отдельно описанный фрагмент текста вписывается в паутину событий и миров, органично объединенных концептом «лишение». Актуальность данного исследования заключается в необходимости выявления когнитивных структур, формирующих данный концепт, и определения их роли в передаче идейного замысла автора. Очевидная значимость такого рода анализа состоит также в возможности переосмысления на основе текста романа смысла жизни в современную эпоху.

Цель настоящей статьи – выявить вербально-семантические средства, репрезентирующие когнитивные структуры концепта «лишение», и обосновать целесообразность их употребления.

Методы исследования и материалы

Фактическим материалом исследования послужил комплекс языковых единиц, передающих смысловые сущности когнитивных структур как базы для формирования концепта «лишение». Источниками фактического материала явился роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». В основу романа положено булгаковское понимание

католического учения о несовершенстве первозданной природы человека, требующей активного внешнего воздействия для его исправления [2]. Именно этим и занимается Воланд, карая провинившихся грешников путем лишения их всего незаконно нажитого, тем самым искореняя зло как социальное явление.

Для реализации поставленной цели были использованы следующие научные методы: а) метод когнитивного анализа применялся при выявлении когнитивных структур, формирующих концепт «лишение»; б) метод семантического анализа – при выявлении языковых единиц с лишительной семантикой; в) метод функционального анализа – с его помощью определялись функции языковых единиц в тексте романа; г) филологический метод использовался для выявления соотношения степени органичности когнитивных структур и идейного замысла романа.

Обзор литературы производился в когнитивном и функционально-семантическом направлениях с учетом принципов анализа художественного текста. Соотношение когнитивного и семантического подходов к слову в их соотношении совершенно оправданно. В научных трудах последнего десятилетия, в частности в монографии А.П. Бабушкина и И.А. Стернина такой подход интерпретируется как «новые возможности в описании языковых единиц» [3, с. 3]. Когнитивного и семантического анализа в их взаимодействии при интерпретации языковых единиц последовательно придерживается в своих исследованиях Н.Н. Болдырев [4; 5]. Об актуализации интегративных процессов в когнитивной лингвистике свидетельствуют целые монографические исследования последнего времени, в которых представлен спектр данных процессов в разных аспектах их трактовки учеными [6]. Все это способствует развитию отдельного направления внутри когнитивной лингвистики, обозначенного как когнитивная семантика. Согласно располагаемым данным научных источников, в настоящее время оно успешно развивается в том числе и в дальнем зарубежье. В этом контексте значимым для настоящего исследования является тот факт, что, согласно А.В. Хреновой, когнитивная семантика включает, наряду с другими теориями, теорию ментальных пространств, разработчиками которой являются Ж. Фоканье, Ш. Кольсон и др. [7, с. 156].

Восприятие и осмысление реальной действительности, ее связь с языком, ее влияния на язык, на его носителей уже не одно столетие является объектом исследований ученых, труды которых посвящены лингвофилософским изысканиям, основу для которых положил В. фон Гумбольдт [8]. Накопленные на основе восприятия знания складываются в картину мира, а их осмысление формирует когнитивные модели (когнитивы), или структуры знаний о мире. Интерес в этом отношении представляет исследование В.З. Демьянкова, прослеживающего языковые техники трансформации знаний [9].

Развитие когнитивной лингвистики последних десятилетий не позволило, однако, устранить отдельные разногласия, связанные с типами когнитивных моделей и их интерпретацией. Так, до сих пор не получил единообразного толкования доминирующий в исследованиях ученых когнитив фрейм. Более оптимальной представляется интерпретация данного феномена О.Н. Санжаровой, которая, опираясь на классические исследования М. Минского, рассматривает его в качестве концептуальной базы знаний [10]. В настоящем исследовании мы придерживаемся устоявшегося в когнитивной науке комплекса когнитивных моделей, который включает следующие когнитивы: фрейм, скрипт, сценарий, картина мысли и гештальт. Данные компоненты составляют каркас для формирования концептуальной картины мира, представленной набором концептов. Взаимосвязь когнитива и концепта осуществляется в процессе языкомыслительной деятельности, представленной следующими уровнями: онтологический, когнитивный, ментальный, семантический, языковой [11, сс. 37–38]. Продуктом когнитивного уровня являются когнитивные модели (когнитивы), а ментального – концепты.

В обозначенную концепцию вписываются дефиниции концепта, наиболее актуальными среди которых представляются определения Ю.С. Степанова [12, сс. 41–42], А.П. Бабушкина и И.А. Стернина [3, сс. 7–10], М.В. Пименовой [13, с. 10] и других. Обращаясь к концепту, отраженному в языке, исследователи рассматривают его как частицу человеческого сознания и справедливо акцентируют внимание на том, что данный феномен формируется вне языка. Эта мысль особенно отчетливо передается в формулировке Е.С. Кубряковой: «Концепт – оперативная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» [14, сс. 90–92]. Не меньшего внимания заслуживает определение концепта, предложенное В.И. Карасиком: «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны», «фрагмент жизненного опыта человека», «переживаемая информация», «квант переживаемого знания» [15, с. 71]. Как следует из приведенного определения, приоритет отдается формированию концепта на основе субъективных действий, знаний и опыта. Это обуславливает выявление когнитивных структур, на которых базируется концепт «лишение».

Концепт «лишение» включает в себе лишительную семантику, формирующую категорию лишительности. Проблема данной категории и смежных с ней обозначена в трудах Вяч.Вс. Иванова [16], Н.Н. Болдырева [17], Б.Ч. Бижоева [18] и других. Однако в интерпретации этих ученых она идентифицируется с каритивной семантикой, с чем трудно согласиться. Лишительность, в отличие от каритивности, наряду с семантикой необладания, передает также семантику каузации необладания, то есть указание на причину необладания. Иными словами, в качестве облигаторного признака категории лишительности выступает каузирование: 'кто-то каузировал, что кто-то другой не владеет чем-то' или 'что-то, какое-то событие каузировало, что кто-то не владеет чем-то'. Базовую семантическую структуру категории лишительности схематически можно представить в следующем виде:

'x обуславливает то, что у лишается и не имеет z-а' [19].

Сказанное обеспечивает понятийную базу настоящего исследования, которая основывается на двух основных составляющих: 1) изложенной трактовке концепта и его когнитивных структур; 2) семантической интерпретации лишительной семантики.

Анализ и результаты

Концепт, как подчеркивалось выше, формируется в сознании человека посредством совокупности нескольких когнитивных структур. Лишительная семантика в романе Михаила Булгакова передается благодаря концепту «лишение», который образует совокупность воссозданных писателем отдельных миров, выражаемых через когнитивные структуры, или когнитивы. В свою очередь данные когнитивы семантизируются в тексте романа за счет семантического комплекса языковых и контекстуальных средств. Среди выделенных нами когнитивов преобладающие позиции занимают: а) фрейм, б) скрипт, в) сценарий, г) картина мысли, д) гештальт.

а) Фрейм, согласно Н.Н. Болдыреву, структура представления знаний, модель культурно обусловленного знания, являющегося общим для большей части общества, то есть типизированным, узнаваемым любым членом общества [17, с. 31]. Согласно собранному материалу, данная когнитивная структура с маркером 'лишение' отмечается спорадически, что, на наш взгляд, объясняется фрагментарным изложением знаниевой парадигмы. Вербализация рассматриваемой структуры осуществляется за счет употребления лексики, в которой в имплицитной форме прослеживается лишительная семантика. Так, обращаясь к Ивану с вопросом о том, кто такой застройщик тогдашней Москвы, Мастер определяет его

словом жулик: *Вы знаете, что такое застройщики? - ...Это немногочисленная группа жуликов, которая каким-то образом уцелела в Москве.* Согласно словарям, жулик – вор, мелкий мошенник [20, с. 67]. Лишительная семантика в данном случае выражается имплицитно: определяя застройщиков словом жулик, воплощается мысль о том, что они своими действиями лишают людей комфортного жилья.

Фрейм чаще всего используется для изложения конкретного факта. В контексте лишительной семантики характерным примером является сообщение о том, что Варьете лишается администрации: *пропала вся головка администрации.* Другие примеры: (Накануне казни Иешуа) *Пилату показалось, что все вокруг исчезло. Ненавидимый город умер.*

Фактологичность фрейма ограничивает его использование в художественном тексте, которому в большей степени присущ развернутый характер. Это находит воплощение в использовании совокупности фреймов, формирующих когнитивную структуру, определяемую как скрипт.

б) Скрипт – когнитивная структура, формирующаяся совокупностью фреймов и складывающаяся из информации, накопленной через события, переживаемые зрительно реальным опытом, через стереотипную информацию, идущую из детства, или путем тщательного запоминания действий других людей [21, с. 20]. Поскольку, подобно фрейму, скрипт предполагает фактологичность изложения, то в тексте романа лишительная семантика передается глаголами прошедшего времени в аористическом значении, которые функционируют в определенном контексте: *Берзиоза охватил необоснованный, но столь сильный страх, ему захотелось тотчас бежать; Берлиоз подумал: «Что это со мной? ...сердце шалит...», я переутомился»; Жизнь Берлиоза складывалась так, что к необыкновенным явлениям он не привык; Маркиза, – бормотал Коровьев, – отравила отца, двух братьев и двух сестер из-за наследства.*

В приведенном иллюстративном материале в контексте маркера 'лишение' интерес представляет последний пример, в котором напрямую излагается причина действия субъекта с использованием предложно-падежной формы с причинным предлогом *из-за*.

Для изложения совокупной информации автором используются также глаголы настоящего постоянного времени глагола. Лишительная семантика выражается за счет наполнения их пейоративной лексикой, позволяющей выразить присущие начальству пороки, лишаящие их человеческого облика. Интерес представляет тот факт, что в романе друг Воланда, обращаясь к Степе, использует глаголы во множественном числе, тем самым указывая на их типичный характер: *вообще они в последнее время жутко свинячат. Пьянствуют, вступают в связи с женщинами, используя свое положение, ни черта не делают, да и делать ничего не могут, потому что ничего не смыслят в том, что им поручено. Начальству втирают очки.* Необходимо также обратить внимание на еще одну очень важную функцию глаголов настоящего постоянного времени глагола: употребляя их, автор указывает на трудность искоренения отмеченных пороков.

С целью оживить события, произошедшие в прошлом, в тексте используется настоящее описательное время глагола. Оно естественным образом вписывается во фрагмент сюжета, когда дамы, обманутые Фаготом, лишаются нарядов: *выбегают на улицу в одном белье под улюлюканье толпы.*

Между тем каузация как один из категориальных признаков, присущих лишительной семантике, предполагает развертывание в тексте романа причинно-следственных связей, что предопределяет наиболее активно используемую в нем когнитивную структуру в виде сценария.

в) Сценарий – когнитивная структура событийного характера, содержащая последовательность нескольких событий (эпизодов), состоящая из развития и движения,

проявлений чередования периодов и событий, распространяющихся во времени и пространстве [21, с.20]. В тексте произведения маркер 'лишение' передается контекстуально, за счет высказываний событийного типа: (Прокуратор Понтий Пилат к Иешуа): *Так это ты подговаривал народ разрушить Ершаламийский храм?; Трамвай накрыл Берлиоза, и под решетку Патриаршей аллеи выбросило на бульжный откос темный предмет... Это была отрезанная голова Берлиоза; Несколько раз он пытался бежать к турникету, но ноги его не слушались – с Бездомным приключилось что-то вроде паралича;* (Иван Бездомный о себе) *Пошел я купаться на Москву-реку, ну и попятели мою одежду;* (Женщины лишаются своей одежды и приобретают французские наряды) *Последней исчезла высоченная гора старых платьев и обуви.*

Кроме того, сценарий как когнитивная структура воплощается благодаря изложению нескольких взаимосвязанных фрагментов текста. Ярким примером этого является сцена, излагающая приход к домоуправляющему милиции, которой стало известно о взятке. Она отнимает у него полученную ранее взятку, а самого его арестовывает. Другой пример: (О женщине на балу сатаны, которая лишает жизни собственного ребенка) *когда она служила в кафе, хозяин как-то зазвал ее в кладовую, а через девять месяцев она родила мальчика, унесла его в лес и засунула ему в рот платок, а потом закопала мальчика в землю.*

Особо, с нашей точки зрения, следует выделить когнитив событийного характера, имеющий маркер 'лишение', но не заключающий в себе негативного оттенка. Речь идет об эпизоде сожжения Мастером рукописи романа, что вербализуется в тексте путем использования глаголов с семой 'лишение': (Мастер о себе) *Я вынул из ящика стола тяжелые списки романа и черновые тетради и начал их жечь. ...Знакомые слова мелькали передо мной, желтизна неудержимо поднималась снизу вверх по страницам, но слова все-таки проступали и по ней. Они пропадали лишь тогда, когда бумага чернела и я кочергой яростно добывал их.*

Нельзя не обратить внимания на имперфектное значение используемых глаголов, позволяющее передать длительность и мучительность предпринимаемых действий. Думается, данное значение выполняет роль позитивного начала применительно к возможности лишения существования романа. С этим коррелируется эпизод появления Воланда с его знаменитой фразой *Рукописи не горят*. В данной фразе заключен глубочайший идейный смысл романа: добро всегда побеждает зло. В ней также отчетливо просматривается перспектива смысла жизни, с целью чего в тексте используются когнитивные структуры, определяемые в когнитивистике как картина мысли.

г) Картина мысли – самая сложная форма операции формирования концепта. Мысль проистекает из умения художника фантазировать, изображать, подражать [15, с. 21]. Представленное определение свидетельствует о том, что маркер 'лишение' в рассматриваемой когнитивной структуре должен передаваться с помощью предположительной семантики, вербализуясь в форме будущего времени глагола. В качестве примера приведем следующий диалог: (Неизвестный к Берлиозу) *Вам отрежут голову. – А кто именно? Враги? Интервенты?* – Неизвестный: *Нет, русская женщина, комсомолка.*

Как видим, концепт «лишение» передается в первой реплике глаголом *отрежут* – действие лишения, направленное на объект 1, в качестве которого выступает Берлиоз (объект 2 – голова). В то же время реплика представляет собой неопределенно-личное предложение, а субъект действия раскрывается в следующих репликах: *русская женщина, комсомолка*. Приведем подобный пример: (Понтий Пилат к Иешуа) *А что ты все-таки говорил про храм в толпе на базаре? – Я, игемон, говорил о том, что рухнет храм старой веры и создастся новый храм истины. В числе прочего я говорил, ...что настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти. Человек перейдет в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть.*

В ряде случаев перспектива, представленная за счет когнитива картины мысли, вербализуется с непосредственным участием прилагательного *лишний*, например: (Воланд к Степе) *Это моя свита... И свита эта требует места, ... так что кое-кто из нас здесь лишний в квартире. И мне кажется, что этот лишний – именно вы!*

Семантизация рассматриваемой когнитивной модели с маркером 'лишение' обеспечивается также участием проспективного значения. Так, причина предполагаемой гибели Берлиоза, который из-за этого может лишиться участия в заседании МОССОЛИТа, выражается путем использования следующих конструкций: раскрывается условие, при котором предполагаемое действие обязательно реализуется в будущем: *Аннушка уже купила подсолнечное масло, и даже не только купила, но даже разлила;* (предположение о спасении Иешуа от Матвея Левия) *При большой ловкости и очень точном расчете можно было, согнувшись, проскочить между двумя легионерами, дорваться до повозки и вскочить на нее. Тогда Иешуа спасен от мучений.*

Значение предположения, не оставляющего сомнений, передается контекстуальными средствами, путем описания ситуации. Лишительная семантика в таких случаях носит, как правило, имплицитный характер: (Фагот во время представления черной магии Воланда) *Колода эта таперича, уважаемые граждане, находятся в седьмом ряду у гражданина Парчевского, как раз между трехрублевкой и повесткой о вызове в суд по делу об уплате алиментов гражданке Зельковой.* Как следует из данного примера, автор через своего героя излагает негативное действие субъекта: гражданка лишена алиментов, а причиной этого является Парчевский, который уклоняется от их уплаты.

Картина мысли как когнитивная структура передается в тексте непосредственно коррелирующими с ее функцией средствами, в частности, фразеосочетанием *овладела мысль*, а значение возможности изменить ситуацию с отрицательной на положительную – фразеосочетанием, включающим глагол *лишить*: *Тут Маргаритой овладела мысль, что, по сути дела, она зря столь исступленно гонит щетку. Что она лишает себя возможности что-либо как следует рассмотреть, как следует упиться полетом.*

Маркер 'лишение' прослеживается в высказываниях, содержащих глаголы желания типа *желать, хотеть*, а также глаголы в сослагательном либо повелительном наклонениях, например: (Левий) *хотел одного, чтобы Иешуа, не сделавший никому в жизни ни малейшего зла, избежал бы истязаний; За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной любви? Да отрежут лгуна его гнусный язык!*

д) Семантизация концепта «лишение» базируется в тексте романа также на гештальтах. Гештальт – когнитивная структура, отражающая целостный многокомпонентный образ в виде сгруппированных чувственных и рациональных элементов [21, с. 21]. Данный образ, как правило, строится на экзистенциональной семантике. Так, образ части Москвы формируется у читателя путем описания места, где происходит действие. В начале романа в описании четко вырисовывается картина неоправданных лишений: *Не только у будочки, но и во всей аллее, параллельной Малой Бронной улице, не оказалось ни одного человека. В тот час, когда уж, кажется, и сил не было дышать, когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане валилось куда-то за Садовое кольцо, никто не сел на скамейку, пуста была аллея.* Другие примеры: *Бор на противоположном берегу реки, еще час назад освещенный майским солнцем, помутнел, размазлся и растворился. Вода сплошной пеленой валила за окном.*

Интерес представляет также гештальт в виде представления образа Иисуса в поэме Бездомного. Как известно, Берлиоз заказал поэту Бездомному антирелигиозную поэму, «но, к сожалению, ею редактора не удовлетворил». Бездомный очертил Иисуса черными красками. Однако Берлиоз считает, что поэму нужно писать заново, поскольку: главное не в том, каков был Христос, а в том, что его как личности вовсе не существовало.

Особо следует выделить гештальты, которые предопределяют иные когнитивные структуры, прежде всего сценарии. Автор очерчивает образ героя, позволяющий понять мотивы его негативных действий в будущем, направленных на лишения чего-либо иного человека, например: *Этот двадцатилетний мальчуган с детства отличался странными фантазиями, мечтатель и чудак. Его полюбила одна девушка, а он взял и продал ее в публичный дом.*

Заключение

Незначительное количество лингвистических исследований по проблеме лишения позволяет утверждать, что семантика лишения имеет место в языках как флективного, так и агглютинативного типа. Иными словами, она распространяется на разные языковые системы, воплощаясь в них в специфических для них языковых единицах, организуя в их пределах функционально-семантическое поле. Это обуславливает тот факт, что в настоящем исследовании категория лишительности определяется как семантическая (понятийная) категория.

В основе ее отграничения от сопряженных семантических категорий лежит категориальный признак каузирования. Именно каузатор является облигаторным компонентом базовой семантической структуры этой категории. Поэтому, несмотря на ее близость по значению с категориями каритивности и невладения (необладания), она приобретает самостоятельный семантический статус. При этом некорректным является ее интерпретация как оппозиционной составляющей категории посессивности, поскольку последняя, в силу своей семантической структуры, противостоит прежде всего категории невладения (необладания). Это обуславливает невозможность описания категории лишительности на основе принципов, свойственных сопряженным с ней категориям, и предопределяет избранную нами методику ее исследования.

Произведенное описание отдельных языковых единиц в фокусе теоретических выкладок позволяет утверждать тот факт, что семантическая категория лишительности и соответствующее ей функционально-семантическое поле имеют самостоятельный статус в рамках функциональной грамматики.

Концепт как феномен, рожденный и сформированный человеческим опытом, сохраняется в сознании человека и определяет четко сформулированные знания и информацию, выполняя важную роль в развитии общества. В этом контексте неоспорима роль репродукции концепта «лишение» в романе «Мастер и Маргарита», поскольку через него передается идейный смысл произведения о неизбежной наказуемости зла: Воланд карает, то есть лишает незаконно нажитого, всех грешников. Когнитивные структуры, на которых базируется концепт «лишение», охватывают практически весь спектр своего потенциала. Самым оптимальным образом они формируют лишительную семантику, передавая ее посредством комплекса языковых и контекстуальных средств, как имплицитно, так и эксплицитным способом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Халина Н.В. Языкознание в условиях постмодернистской парадигмы: монография. – Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2008. – 285 с.
2. Дунаев М.М. Анализ романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» [Электронный ресурс]. URL: <http://bulgakov.lit-info.ru/bulgakov/kritika/dunaev-analiz-master-i-margarita.htm> (дата обращения: 12.02.2024)
3. Бабушкин А.П., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика и семасиология. – Воронеж: ООО «Ритм», 2018. – 230 с.

4. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. – Тамбов: Издательский дом ТГУ, 2014. – 236 с.
5. Болдырев Н.Н. Когнитивный подход в лингвистике и смежных областях знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2020. – №2. – С. 5–25.
6. Когнитивные исследования языка. Выпуск XXXVII // Материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике «Интегративные процессы в современной лингвистике». – Нижний Новгород: Издательство ДЕКОМ, 2019. – 1144 с.
7. Хренова А.В. Современная когнитивная лингвистика за рубежом. Основные единицы исследования // Вестник КемГУ. – 2014. – №1 (57), Т.1. – С. 156–161.
8. Гумбольдт В.фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 398 с.
9. Демьянков В.З. О языковых техниках «трансфера знаний» в гуманитарных науках // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – №4. – С. 5–15.
10. Санжарова О.Н. Фрейм как концептуальная база знаний и как система языковой репрезентации знаний // Известия Санкт-Петербургского гос. ун-та. – 2015. – №91. – С. 12–16.
11. Жумабекова А.К., Килева Л.Т. Структура современной лингвистики. – Алматы: Улагат, 2015. – 240 с.
12. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
13. Карасик В.И., Пименова М.В. и др. Введение в когнитивную лингвистику: уч. пособие. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. – 220 с.
14. Кубрякова Е.С. О когнитивной лингвистике и о семантике слова «когнитивный» // Вестник ВГУ, Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – Вып. 1. – С. 4–10.
15. Карасик В.И. Демонстративы в сетевом дискурсе: интерпретативный аспект // Когнитивные исследования языка. Выпуск XXXVI. – Нижний Новгород: Издательство ДЕКОМ, 2019. – С. 214–222.
16. Иванов Вяч.Вс. Типология лишительности (каритивности). В кн.: Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. – М.: ИНДРИК, 1995. – С. 5–59
17. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1(001). – С. 18–36.
18. Бижоев Б.Ч., Хежева М.Р. Семантика нулевого количества в кабардино-черкесском языке: основные способы репрезентации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. Вып. 10. – С. 3514–3521.
19. Боханова А.С. Категория лишительности в экономическом дискурсе: дис. ... док. PhD. – Алматы, 2014. – 134 с.
20. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. – М.: Астрель, 2006. – 1168 с.
21. Самекбаева Э.М. Когнитивтік лингвистика: электронды құрал. – Семей: Семей қаласының Шәкәрім ат. мемлекеттік университеті, 2015. – 39 б.

REFERENCES

1. Halina N.V. Iazykoznanie v usloviakh postmodernistskoj paradigmy: monografiya. – Barnaul: Izd-vo Altaisk. un-ta, 2008. – 285 s. [in Russian]
2. Dunaev M.M. Analiz romana M.Bulgakova «Master i Margarita» [Analysis of M. Bulgakov's novel “The Master and Margarita”]. [Electronic resource]. URL: <http://bulgakov.lit-info.ru/bulgakov/kritika/dunaev-analiz-master-i-margarita.htm> (date of access: 12.02.2024) [in Russian]
3. Babushkin A.P., Sternin I.A. Kognitivnaia lingvistika i semasiologia [Cognitive Linguistics and Semasiology]. – Voronej: OOO “Ritm”, 2018. – 230 s. [in Russian]
4. Boldyrev N.N. Kognitivnaia semantika. Vvedenie v kognitivnuiu lingvistiku [Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics: a course of lectures]. – Tambov: Izdatelskiy dom TGU, 2014. – 236 s. [in Russian]
5. Boldyrev N.N. Kognitivnyi podhod v lingvistike i smejnyh oblastiah znania [Cognitive approach in linguistics and related fields of knowledge] // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. – 2020. – №2. – S. 5–25. [in Russian]

6. Kognitivnye issledovaniya iazyka. Vypusk XXXVII [Cognitive language studies. Issue XXXVII] // Materialy Mejdunarodnogo kongressa po kognitivnoi lingvistike «Integrativnye processy v sovremennoi lingvistike». – Nijniy Novgorod: Izdatelstvo DEKOM, 2019. – 1144 s. [in Russian]
7. Hrenova A.V. Sovremennaiia kognitivnaia lingvistika za rubejom. Osnovnye edinicy issledovaniya [Modern cognitive linguistics abroad. Basic research units] // Vestnik KemGU. – 2014. – №1 (57), T.1. – S. 156–161. [in Russian]
8. Gumboldt V.fon. Izbrannye trudy po iazykoznaniiu [Selected works on linguistics]. – M.: Progress, 1984. – 398 s. [in Russian]
9. Demiankov V.Z. O iazykovykh tehnikah «transfera znaniy» v gumanitarnykh naukakh [On the language techniques of “knowledge transfer” in the humanities] // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. – 2015. – №4. – S. 5–15. [in Russian]
10. Sanjarova O.N. Freim kak konceptualnaia baza znaniy i kak sistema iazykovoi reprezentacii znaniy [The frame as a conceptual knowledge base and as a system of linguistic representation of knowledge] // Izvestia Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta. – 2015. – №91. – С. 12–16. [in Russian]
11. Jumabekova A.K., Kilevaia L.T. Struktura sovremennoi lingvistiki [The structure of modern linguistics]. – Almaty: Ulagat, 2015. – 240 s. [in Russian]
12. Stepanov Iu.S. Konstanty: Slovar russkoi kultury [Константы: Словарь русской культуры]. – М: Iazyki russkoi kultury, 1997. – 824 s. [in Russian]
13. Karasik V.I., Pimenova M.V. i dr. Vvedenie v kognitivnuiu lingvistiku [An introduction to cognitive linguistics]: uch. posobie. – Kemerovo: IPK «Grafika», 2004. – 220 s. [in Russian]
14. Kubriakova E.S. O kognitivnoi lingvistike i o semantike slova «kognitivnyi» [About cognitive linguistics and the semantics of the word “cognitive”] // Vestnik VGU, Seria lingvistika i mejkulturnaia kommunikacia. – 2001. – Vyp. 1. – S. 4–10. [in Russian]
15. Karasik V. Demonstrativy v setevom diskurse: interpretativnyi aspekt [Demonstrative in network discourse: an interpretative aspect] // Kognitivnye issledovaniya iazyka. Vypusk XXXVI. – Nijniy Novgorod: Izdatelstvo DEKOM, 2019. – S. 214–222. [in Russian]
16. Ivanov V. Tipologia lishitelnosti (karitivnosti). V kn.: Etiudy po tipologii grammaticheskikh kategoriy v slavianskikh i balkanskikh iazykakh [The typology of deprivation (caritiveness). In: Studies on the typology of grammatical categories in Slavic and Balkan languages]. – M.: INDRIK, 1995. – S. 5–59. [in Russian]
17. Boldyrev N.N. Konceptualnoe prostranstvo kognitivnoi lingvistiki [The conceptual space of cognitive linguistics] // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. – 2004. – №1(001). – S. 18–36. [in Russian]
18. Bijoev B.Ch., Hejeva M.R. Semantika nulevogo kolichestva v kabardino-cherkeskom iazyke: osnovnye sposoby reprezentacii [The semantics of zero quantity in the Kabardino-Circassian language: the main ways of representation] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2023. – T. 16. Vyp. 10. – S. 3514–3521.
19. Bohanova A.S. Kategorija lishitelnosti v ekonomicheskom diskurse: dis. ... dok. PhD [The category of deprivation in economic discourse: dis.]. – Almaty, 2014. – 134 s. [in Russian]
20. Efremova T.F. Sovremennyi tolkovyi slovar russkogo iazyka [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. – M.: Astrel, 2006. – 1168 s. [in Russian]
21. Samekbaeva E.M. Kognitivtik lingvistika: elektronnyy qural [Cognitive linguistics: an electronic tool]. – Semei: Semei qalasynyn Shakarim at. memlekettik universiteti, 2015. – 39 b. [in Kazakh]